

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ПОЛЯРНОЕ НИГДЕ, ВЛАДИМИР ЛАЗОВИК

ТЕМНЫЙ ЧАС, МАША САФОНОВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...



ОЛЬГА РАУДИНА

Утенот русалки



Москва

2026

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р25

Иллюстрация на обложке *Levanta*

Художественное оформление серии *Анастасии Грищенко*

Раудина, Ольга Викторовна.
Р25 Шепот русалки / Ольга Раудина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 512 с. — (Румперия. Дыхание
магии).

ISBN 978-5-04-233060-5

Если и существуют злосчастные места, где нет места живым, то поместье Крошморт, несомненно, одно из них. Именно туда вынуждены вернуться близнецы Силанс и Ориэль Крошморт после долгих лет изгнания. Однако семейное гнездо встречает их отнюдь не тепло: бабушка и дедушка явно дают понять, что брат с сестрой — нежеланные гости. Но когда в их городе начинается череда убийств, только близнецы смогут раскрыть настоящего преступника!

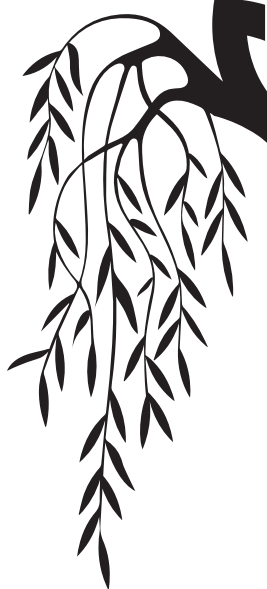
УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233060-5

© Раудина О., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

В романе упоминаются славянские руны, которые на самом деле никогда не существовали. В тексте вы встретите много мифов, а также реальных праздников, обычаев и символов, переиначенных в угоду авторскому замыслу.

Помните, что это всё – сказка.



Глава 1

Бабушка приподняла подол бордовой юбки, чуть наклонившись вперед. Из пучка, в который она множеством шпилек с красными бусинами убирала длинные седые волосы, выпало несколько прядей у шеи. Они спрятались под кружевным воротом кремовой блузки, слишком плотной и закрытой для жаркого летнего утра.

Бабушка шагнула в воду.

Злата хотела закричать, но голос пропал. Из открытого рта не вырвалось ни единого звука. Звуков вообще не было. Не пели птицы, не шелестели листья, не свистел теплый ветер, который Злата чувствовала кожей. Звучала только река. Звучала слабым течением, далеким перестуком камушков на дне и русалочьим смехом.

Бордовая юбка медленно намокала. Темные пятна расплзались по ткани, двигаясь выше, к коленям. Подол терялся в черноте реки, сливался со стихией — чужой, сильной, но гостеприимной.

Бабушка шла дальше.



Злата хотела бежать. Хотела спасти, выдернуть на сушу, отвести домой — подальше от опасного берега. Но не могла. Тело сковал знакомый, уже привычный страх. Он холодной водой втекал внутрь, наполнял изнутри, делал ноги свинцовыми.

Бабушка остановилась. Изящно подняла руку, раскрыла ладонь с короткими, но тонкими пальцами. В центре затрещало длинными язычками золотистое пламя. Оно плавилось под солнечными лучами и напивалось их силой.

Рука дрогнула. Плавно заскользила вниз.

Через секунду вода и пламя соприкоснутся.

Вода взметнется вверх прозрачным шипящим паром.

Огонь опалит прячущееся в блестящей черноте реки белое девичье тело.

Бабушка улыбнется, наблюдая, как скользят зеленые волосы в мутной воде.

Через секунду.

Злата рывком поднялась, свесила ноги с кровати и зажмурилась. В темноте прикрытых век таял образ бабушки в бордовой юбке с трескучим огнем в руке и красными бусинами в седых волосах. Головки алыми каплями пульсировали перед глазами, отказываясь исчезать.

Злата вскочила, машинально одергивая вниз короткую сорочку, и бросилась к зеркалу. Столик рядом с ним занимала деревянная резная шкатулка. По ее бокам вились руны Агни, сплетаясь в причудливые, чуть угловатые из-за неопытности мастера узоры. На крышке расправило лучи солнце. Оно улыбалось — кривовато для весеннего божества —



и смотрело на хозяйку миндалевидными раскосыми глазами. Шкатулку подарил Саша четыре года назад. Злата в тот же вечер поставила ее на столик и почти никогда не открывала.

В шкатулке лежала пара бабушкиных шпилек. Она, уезжая, забыла их на крыльце. Забрала одежду, фотографии, даже вышитые полотенца, которые шила в приданое. Шила и приговаривала: «Если у меня, конечно, когда-нибудь будет внучка». Внучка родилась, а бабушка уехала, чтобы больше не появиться в жизни сына и его семьи. Так Злате рассказывал папа.

Бабушку Злата не знала. Не знала, как звучал ее голос. Не знала, как ощущается ее сила, — а все вокруг говорили, что бабушка была талантливой колдуньей. Не знала даже, как она выглядит, но была уверена, что женщина, которая каждый год снится ей летом, — она. Всегда разная, расплывчатая, то высокая и изящная, то приземистая и широкоплечая, как Златин отец, но всегда прямая, как палка, с длинной седой косой и красными бусинами на шпильках.

Дверь бесшумно приоткрылась.

— Ты уже проснулась? Я ухожу, завтракай без меня.

Злата кивнула, продолжая смотреть на кривое солнце. Отца она слышала через слово.

— Боюсь, приду поздно. К ужину тоже не жди. Все хорошо? Глаза у тебя какие-то бешеные.

— Мне бабушка снилась.

Злата закрыла глаза. Она все еще видела алые пятнышки, а внутри kloкотало беспокойное желание бежать. Куда — непонятно.



— Что на этот раз? — отец усадил ее на кровать. — Водила по лесу, собирала вещи, учила умуразуму?

— Русалок жарила.

Отец заботливо провел рукой по голове дочери, по мягким волосам, обнял. Кожа оказалась холодной.



Мягкий полумрак под плотной крышей листьев, непрерывное шуршание насекомых и переключки диких зверей и птиц; близость леса — вот что любила Злата в Зеленом круге. Старое название, которое не нравилось никому, передалось по наследству вместе с поваленными стволами деревьев вместо лавочек и гитарой, у которой ежегодно рвалось по струне, хотя на ней почти не играли.

Зеленый круг — поляна, затерянная в предлесье, — был единственным местом, где Злата чувствовала себя абсолютно свободной.

Сойти с протоптанной дорожки. Мимо куста с розовыми ветками направо. Четыре шага в сторону зарослей шиповника. И если знаешь, в каком месте войти, Круг откроется перед тобой.

Злата знала.

Она перешагнула невидимую границу и тут же слышала голос Олега. Он пел о снах и лете. Пел очень громко, намного громче гитары. Голос у Олега был низкий и звучный. Очень взрослый голос, к которому Злата долго не могла привыкнуть в восьмом классе и который никак не мог суще-



ствовать в таком худом, почти еще мальчишечьем теле. Олег был высокий, узкоплечий и казался младше своих семнадцати.

Второй голос пел тихо, а иногда вовсе терялся за густым басом Олега. Голос звучал мягче, бархатнее и вкрадчивее. Он околдовывал, пробирался внутрь, заставлял трепетать и слушать. Он рассказывал сказки и пел баллады. Чаще, конечно, старый русский рок, но сказки и баллады, по мнению Златы, получались лучше.

Саша выглядел под стать своему голосу: с точеными чертами, прямым носом, кареглазый, со светлыми, чуть вьющимися волосами. Он привлекал внимание всегда. А когда пел, оторвать от него взгляд было невозможно.

Злата стояла в кустах шиповника и слушала. Отголоски утреннего волнения засыпали, повинуюсь спокойной, убаюкивающей мелодии.

Только на мгновение Злата оторвала взгляд и посмотрела в сторону — туда, где стоял Ярослав. Она кивнула ему. Он тоже кивнул. Злата подумала, что так можно было бы общаться и дальше — без слов, неловких пауз и стеснения. За полтора года, что Ярослав жил здесь, в Серебряных огнях, Злата к нему так и не привыкла.

Мелодию оборвали глухой звук и разочарованное шипение.

— Вторая за неделю, — констатировал Саша, откладывая свою гитару. — Ты как-нибудь аккуратнее, что ли.

Олег бросил на него прожигающий взгляд. Потом положил старенький инструмент в расщелину между выпирающими корнями ели, растущей ря-



дом, и вернулся на поваленный ствол, на котором теперь сидела Злата.

— Привет, какие новости?

Карие глаза горели любопытством. За попыткой узнать обо всех новостях Саша прятал конкретный вопрос. Злата на него ответить не могла, но разочаровывать друга ей не хотелось.

— Вы знали, что в поселке новая колдунья? Наша ровесница, дочка Белозеровой? — спросила она.

— Та самая, которая чуть ли не с рождения в Дубовнике живет? — уточнил Олег.

Вопрос прозвучал обыденно. Олег будто совсем не удивился. Подкинул пару сухих веток в кострище, раскинувшееся между упавшими стволами. Огонь разжигали редко, темными летними ночами или холодными осенними вечерами, но чаще ради обрядов.

— Да. Она вчера приехала. Наверное, чтобы получить второй круг. Папа сказал, что она останется здесь до Купалы.

— До Купалы, значит? — уточнил Саша и, шуясь, посмотрел на Ярослава. — Кажется, у тебя появился конкурент.

— Да пожалуйста. Я не горю желанием проводить обряд третий раз.

Ярослав пожал плечами, оттолкнулся спиной от ствола дерева, у которого стоял, и сел на корточки перед кострищем. Провел над ним рукой — плавные движения водных колдунов всегда казались ленивыми и раздражали огненных. Поэтому Злата скрестила руки на груди, а Саша закатил глаза — по их венам текло беспокойное пламя.



— Кто бы тебе еще предложил проводить его в третий раз, — буркнул он.

Ярослав улыбнулся. К подушечкам пальцев от ветки, которую минуту назад кинул в кострище Олег, потянулась тонкая золотистая струйка смолы.

— Второй же раз предложили.

Струйка собралась в шар, и Ярослав поднялся.

— Просто больше не было колдунов нужного возраста.

— Может быть. Мне повезло, что я не огненный, — Ярослав усмехнулся.

— Подожди секунду, — Олег принялся шарить по карманам рюкзака.

Ярослав кивнул и осторожным плавным движением кисти отправил золотистый сгусток в колбу, которую протянул ему Олег.

— Спасибо, у меня как раз заканчивается смола.

Ярослав вернулся на свое место, под дерево. Вид у него был слишком равнодушный, и Злата даже разозлилась. В Серебряные огни редко приезжали новые колдуны, тем более молодые. Когда в поселке узнали, что к Василисе Александровне приедет внук, Ярослав, это стало настоящим событием. Злата неделю гадала, как он выглядит, какое у него колдовство. Водное, конечно, это у них семейное, но какое именно, как ощущается? Саша эту неделю строил теории: сможет ли новый колдун стать для него конкурентом за право проводить обряд или за сердце Златы — вещи, абсолютно равнозначные по своей важности. Олег делал вид, что ему все равно, но в обсуждениях активно участвовал.



Вот и сейчас новость о приезде новой водной колдуньи затмила все остальные. Заняла всех, кроме Ярослава.

— Я слышал, что она никогда еще не приезжала в Огни, — сказал Олег.

— А как тогда она получала знаки? — удивился Саша.

Олег пожал плечами.

— Может, Белозерова сама к ней ездила? — предположила Злата. — Там и ставила их.

— Нет, Белозеровой сил не хватит, чтобы далеко от Огней знаки ставить, — Олег покачал головой и поправил указательным пальцем очки. — Может, у ее дочери вообще знаков нет. Такое же тоже бывает.

— Тогда ей не дадут проводить обряд, — вмешался Ярослав.

— Или сначала поставят первый знак, а потом, после обряда, второй.

— Тоже может быть, — не стал спорить тот, скрестив руки на груди. Злата успела заметить знаки самого Ярослава — один-единственный круг, руна Лея.

— Спорим, Белозерова теперь будет водить ее на все занятия и показывать, как зверюшку в зоопарке? «Вот, посмотрите, чему научилась моя доченька в знаменитой лесной школе», — передразнил Саша манерный выговор. — Бедняга, мне уже жалко эту девчонку.

— Если она такая же, как ее мать, жалеть там нечего, — фыркнула Злата.

Олег неодобрительно покачал головой, но уголок губ все же пополз вверх. Ему заносчивая ста-



рейшина водной общины нравилась ненамного больше.

— Кстати, а что решили по обрядам? Кто будет проводить их в этом году? С водным ясно, что ничего пока не ясно. А остальные?

Саша пытливо смотрел на сидящую напротив Злату. Она поежилась, отвела взгляд. Отец, возглавлявший огненную общину, конечно, рассказывал ей, что обсуждают на советах. Она знала, что еще ничего не решено окончательно. И знала, что Саши среди тех, кто может руководить обрядом, нет.

— Ничего не решили, — ответила она быстро. — Ни в одной из общин. Не знаю почему. Может, Белозерова отняла все время рассказами о том, какая у нее замечательная дочка...

Саша ударил по струнам. Раздался глухой хлопок — струна лопнула.



«Тихо!» — крик так и срывался с губ. Он решил бы все проблемы. Он вывел бы из забвения Сухоперышкина, который последние пятнадцать минут неподвижно смотрел в одну точку. Он отрезвил бы Северного, который мило болтал с Сандрой битый час явно не об обрядах. Он заткнул бы наконец Белозерову. Она с пеной у рта доказывала, что никто, кроме ее дочери, не сможет провести Купалу в этом году. Никто. Ни Наташа Зайцева, младшая из всех претендентов, но очень внимательная